

Зри в корень: древнерусское деревянное зодчество

«Зри в корень», – некогда советовал Козьма Прутков¹, обобщая поисковую суть мироощущения русского народа. Практическое воплощение той сути так или иначе отражено во всех явлениях нашей жизни, но, как нам видится, наиболее явственно и зримо – в самобытных образах древнерусского деревянного зодчества, в его бревенчатых памятниках. Им нет в мире аналогов, по крайней мере в том виде, в каком они дошли до нас из недр Святой Руси. И не случайно, что именно древнерусские деревянные памятники подверглись и подвергаются по сей день коренному уничтожению, включая в это понятие и невероятное искажение их образов.

Известно, что великое кроется в малом, являясь его проекцией-отражением или исходным средоточием развития. Христианскую судьбу русского народа можно проследить по многовековому бытию памятников деревянного зодчества: от высочайших жизненных взлётов до невысказанных здравому смыслу падений, от памятников-легенд с их трепетными бревенчатыми срубами и гармонией форм, простых или сложных, но всегда наделённых «цельным мироощущением» (о. Павел Флоренский), до уродливо-безликих деревянных объёмов-ящиков, приравняемых к величию своих предшественников в духе пролетарского обесценивания человеческого достоинства, смутившего Русь и заметно ослабившего стержень нашей жизни вплоть до привычного уже состояния зыбкой неустойчивости.

В рамках этой небольшой статьи мы не станем углубляться в историю вопроса. Тем, кто устремлён вникнуть в её ход, «объективный» – по марксистско-ленинской философии, ещё памятной старшему поколению, или – идущий по воле божией, как видится православному люду, что, впрочем, столь же «объективно», мы посоветовали бы ознакомиться с историко-просветительными изданиями серии «Древнерусское деревянное зодчество»². Третий её том – «Земля Иркутская, деревянная...», обогащённый предисловием В.Г. Распутина, весной 2004 года вышел в свет благодаря поддержке издания губернатором Иркутской области Б.А. Говориним.

Исторически архитектурная обезличка в духе «благолепных обновлений» коснулась прежде всего церквей и часовен, а уже потом – как доверчиво воспринятый призыв всенародного «совершенствования» – гражданских построек. Повсеместная волна искажений древних бревенчатых храмов, несправедливо отнесённых к «раскольничьей», а не к святоотеческой, традиционной для русского православия архитектуре, прокатилась по России в XIX веке. Целенаправленный удар той волны оказался настолько пагубным, что уже в начале XX века на огромном пространстве нашей земли сохранялись буквально считанные единицы неперестроенных бревенчатых церквей, часовен и колоколен.

А на Иркутской земле их вовсе не осталось³. Лишь в музее «Тальцы» стоит освобожденная от дощатой обшивки-обезлички древняя Казанская церковь славного Илимского острога. О средоточии благодатной энергии в этом древнем поселении, изначально являвшем собой традиционный архитектурный ансамбль, не противоречащий духовному строю всей русской жизни, можно судить по его роли в освоении приангарских и верхнеленских земель, в короткий срок превращённых православным трудом в хле-

бородную Илимскую пашню, житницу всей Восточной Сибири⁴.

В скромном облике Казанской церкви, несмотря на непривычное для неё музейное размещение, и поныне сосредоточена благодатная энергия, которую вольно или невольно ощущает каждый из духовно не умерших людей, вне зависимости от вероисповедания или национальной принадлежности. Почему? Да потому, что архитектура древнерусских бревенчатых построек, значительных или совсем малых, удивительно гармонична и естественна, как природа, созданная Творцом. Она словно бы Его сотворение, осуществлённое человеком.

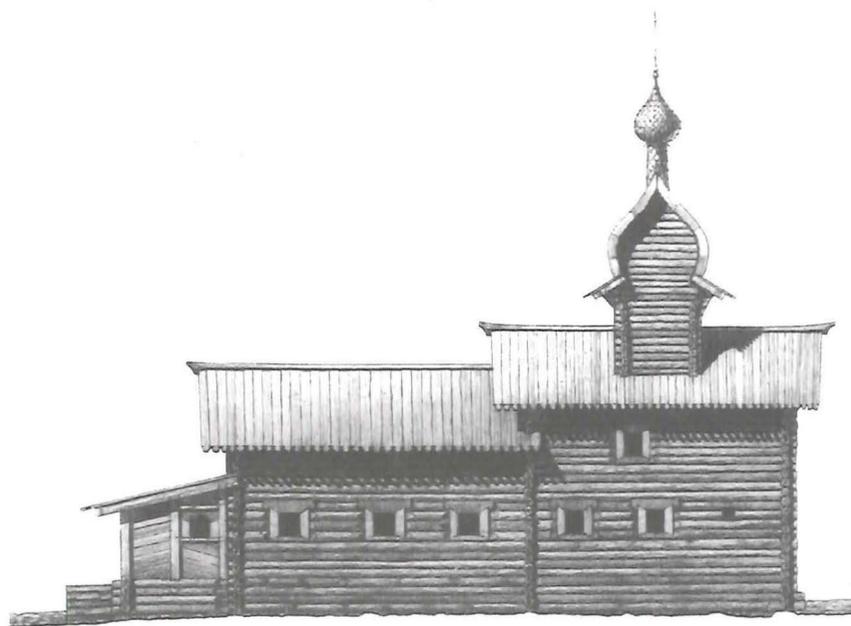
Оттого год от года множится число людей, стремящихся воочию увидеть деревянные сокровища России. Ныне они сохранены, за малым исключением, лишь в музеях под открытым небом. Самый знаменитый среди них – «Кижжи», с его многоглавым церковным ансамблем. Его слава давно уже облетела весь мир. Не было бы её, если бы в 1950-е годы реликтовые храмы Кижского погоста не были освобождены от чуждых наслоений, исказивших их облик под фарисейской эгидой «благолепных обновлений». Лишь спустя без малого столетие была воскрешена благодатная самобытность кижских памятников⁵.

Казалось бы, всё ясно и понятно: ныне для облагораживания облика нашей земли, а стало быть, и жизни, надо воссоздавать деревянные храмы не по искажённым, чуждым русской традиции образцам, а по древнерусским аналогам – архитектурным святоотеческим преданиям. Но на деле всё происходит иначе. Начиная с Москвы-столицы, а далее – по всей земле русской строятся часовни и храмы неопознанного происхождения, кичливые и безблагодатные, лишённые, как пролетарские идеологи, любви к родной истории и своему отечеству. И даже наделённые любовью, но удалённые от истинного величия (аристократизма духа) и отученные его ценить люди-строители в большинстве своём не в состоянии воспроизвести его в новых

текст
Елена Ополовникова

иллюстрации
книга
А. Ополовникова,
Е. Ополовниковой
«Земля Иркутская,
деревянная...»

1. Введенская церковь. Южный фасад. Проект-реконструкция. 1988 г.
2. Казанская церковь Илимского острога. 1972 г.
3. Ансамбль Кижского погоста. 1972 г.

1 Напомним, что Козьма Прутков – писатель, придуманный группой авторов-единомышленников: Алексеем Константиновичем Толстым и его двоюродными братьями Алексеем, Владимиром и Александром Михайловичами Жемчужниковыми.

2 Изд. «ОПОЛО». Т. 1. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. М., 1998; т. 2. Избяная литургия. Книга о русской избе. М., 2002. Книги удостоены Золотой медали Академии художеств и ряда других наград, а т. 3 – премии губернатора Иркутской области.

3 См.: Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. Иркутск, 2000.

4 См.: Шерстобоев В.Н.Т. 1, 2. Илимская пашня. Иркутск, 2001.

5 Подробнее см.: Ополовников А.В. Кижичи. М., 1976; Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Дерево и гармония. М., 1998.

6 Проект церкви выполнен в ЗАО «Лад» г. Петрозаводска. Директор – Вахрамеева Т.И. (до недавнего времени – гл. архитектор музея «Кижичи»); автор проекта – арх. Куспак В.

7 «...на средства работников «Совета по туризму Санкт-Петербурга и семьи Никифоровых. Архитекторы: Шаповалова Е.Ф., Харченко О.А. Строители: Никифоров В.И., Цветков В.Г., Елагин С.М., Табулин Д.В., Кузнецов А.И.», – продолжается текстовая информация.

8 См.: Ополовников А.В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., 1955.

деревянных церквях, подспудно опасаясь «простоты» (в коей-то кроется истинное величие) и старательно привнося в архитектурный облик или яркоцветье, или узорочье с усложненностью форм «во вкусе», или зализанную шкатулочную гладкость... При этом напрочь забывается коренной постулат древнерусского деревянного зодчества: использование дерева не только как строительного материала, но и как материала искусства. А в аллегорическом причастии к человеческой жизни – выявление его физической (опорно-конструктивной) и духовной (природно-эстетической) сущностей, неотделимых, как и в осмысленном земном бытии, друг от друга.

Безрадостную, прямо скажем – горькую картину наблюдали мы в этом году, обследуя северорусские края.

...На чуть всхолмленном берегу дышащего древним покоем Колодозера с его истари добронравным погостом и большим селом Усть-Река, вблизи бревенчатых торговых рядов, построенных, как свидетельствует памятная дощечка, в XVIII столетии, водружают красную – в прямом (цветовом) и переносном (советском) смысле – деревянную церковь. Ставят её как бы взамен величественного шатрового храма Рождества Богородицы (1781), несколько лет назад сожжённого. Новая церковь являет собой пропорционально неслаженное строение, сухое и невдохновенное, хотя тоже с шатром, но каким-то укороченным в сравнении с широким и низкорослым восьмериком, завершённым к тому же прямолинейным повалом (чьё название уже предопределяет округлость контура). И всю эту архитектурную катавасию закрашивают «для оживления» красным пинотексом, зловеще кричащим на фоне умиротворённого архитектурно-природного пейзажа и устрашающе выглядывающим из серо-голубых озерных вод. Слово бы призыв выжечь окрест всё добро жизни. Ладно бы любители-энтузиасты сие городили бы, а то – и не верится! – официально признанные архитекторы-реставраторы⁶.

Агрессивным символом царства тьмы представляется нам и архитектурный образ огромной деревянно-бетонной церкви, совсем недавно возникшей всё в той же Карелии, близ села Повенец – у дороги, ведущей в Медвежьегорск. «Так и слышится иезуитский смех Мефистофеля из «Фауста»: «Ха-ха-ха-ха!.. Люди гибнут за металл... Сатана там правит бал...», – записано в дорожной тетрадке первое впечатление от увиденного на северорусской земле страшилища. И боязно (Господи, прости!) произнести прочитанное на подступах к нему: «Храм святителя Николая. Построен в 2004 году в память строителей Беломоро-Балтийского канала...»⁷. На сей раз питерцы поусердствовали. Денег на очередное искоренение традиционной отечественной культуры, судя по всему, ухлопано немало, а рядом гибнет в запустении подлинный памятник русского деревянного зодчества – овеянный преданиями Богоявленский храм (1605) в древнем селе Чёлмужи. Готовый в любую минуту к гибели, недоумённо стоит он в элегическом кладбищенском окружении на береговой кромке Онежского озера. Зомбированные воинствующими русофобами-атеистами нынешние немалочисленные поселенцы Чёлмужей далеки от неказанной благодати, излучаемой Богоявленским храмом.

И в беломорской Кемии та же картина. Уникальный трехшатровый Успенский собор (1711) потихоньку гниет от непроветривания из-за густых древесных зарослей вокруг. Видный некогда со всех сторон собор теперь даже вблизи толком не разглядеть. Стены одного из его приделов недавно обшиты вагонкой... Одно утешение: не видит того реставратор-подвижник А.В. Ополовников, воскресивший в 1951 году святорусский архитектурный образ собора-богатыря⁸, мужественно очистив его стены от обезличивающего дощатого камуфляжа и яркоцветной безвкусицы, воцарившихся в архитектуре Успенского собора после всё тех же «благотельных обновлений» XIX века.

Не только в Карелии, но и в Мурманской области (Варзуга, Ковда), и в Архангельской (Ратонаволоок, Заостровье, Бережная Дубрава, Авдотьино, Ижма, Красная Шалга...) стоят древние памятники-инвалиды, «всеми плюнутые» (В.В. Розанов). Священники предпочитают служить в лишённых духовного величия храмах-уродцах, вновь построенных, а то и отреставрированных, пренебрегая почитаемыми всем благородным (т. е. на благо рожденным) земным человечеством подлинно русскими архитектурными сокровищами.

Удручающе небрежное отношение к памятным образам древнерусского деревянного зодчества, включая уровень их реставрации или характер воссоздания, господствует и в Вологодской области (в Палтоге, в Молочном), и в Ивановской (в Плесе), и во Владимирской (в Суздале), и в Нижегородской (Турень, Светлояр)...

На чужих ошибках, говорят, учатся. Поэтому надеемся, что в Иркутской области при строительстве и воссоздании деревянных церквей и часовен они не повторяются. Поверьте, господа архитекторы, а также меценаты-заказчики: неуклонное следование мудрым традициям древнерусского деревянного зодчества всегда выигрышно и в эстетическом, и в нравственно-духовном, а следом – и в материально-экономическом отношении. Шире и глубже мыслите, возвеличивая свою и окружающую жизнь истинной красотой божьего мира, защищая её жизнеспособные корни от губительных для всех нас дьявольских искажений.

